

ЦЫГАНОЧКА

Вадим Кучеренко

12+

Вадим Кучеренко

Цыганочка

«Автор»

1996

Кучеренко В. И.

Цыганочка / В. И. Кучеренко — «Автор», 1996

Дорога – лучше лекарство от душевных ран. Желая излечиться от несчастной любви, Михаил садится в поезд, не спрашивая в билетной кассе, куда тот идет. Но на одной из станций он встречает юную цыганку, которая своим гаданием изменила в его жизни все...

© Кучеренко В. И., 1996

© Автор, 1996

Вадим Кучеренко

Цыганочка

Альбина поцеловала его, прижавшись всем телом. Затем он целовал ее. Наконец она опомнилась. И он ушел.

Она ходила по комнате, вдруг без него странно опустевшей, и бесцельно перекладывала предметы с места на место. Взялась расстилать кровать, но отбросила подушку и подошла к окну. Невидящими глазами смотрела во тьму и думала, что теперь можно жить спокойно и просто. А было так сложно весь этот последний год.

Они познакомились на взморье прошлым летом, потом переписывались, и вот он приехал. Он нравился ей, но у него трудный, независимый характер, а ей нужен был человек, который боготворил бы ее. А для этого было необходимо покорить его. И она рискнула всем. Но и выиграла все. Иначе и нельзя, наверное, в жизни. Сейчас он в ее власти. И они будут счастливы в своем маленьком мирке. Она так давно мечтала о таком счастье. Он будет любить ее, она будет позволять себя любить, и им будет хорошо вдвоем...

Под мерный перестук вагонных колес Михаилу снилось, что он зверь, он попал в капкан, поставленный охотником, и отгрызает себе лапу, чтобы уйти. Было невыносимо больно, он жалобно скулил, но продолжал рвать белыми крепкими клыками красное кровоточащее мясо...

Поезд резко вздрогнул и, надсадно заскрипев, остановился. От толчка, едва не сбросившего его с полки, а еще больше от внезапно наступившей тишины Михаил проснулся. Лицо его было мокрым от слез. Он понял, что плакал во сне, и попытался вспомнить, что ему снилось, но так и не смог. Выглянул в окно и увидел, как с перрона в вагон хлынули цыгане.

Станция, насколько ее можно было рассмотреть из окна вагона, была крохотной, с одноэтажным кирпичным зданием вокзала и коротким перроном – обыкновенная, каких Михаил за последние дни проехал немало. Все они были на одно лицо, а вернее, полностью безликие, и отличались только названиями населенных пунктов, к которым относились. Но эта станция выделалась своей пестротой. В ожидании поезда на перроне расположился табор цыган, может быть, еще со вчерашнего дня. Утро было хмурое, порой начинало накрапывать, и тем разительнее казался контраст пасмурного неба с яркими красками табора. От мельтешащих по перрону цыган и цыганок в цветастых одеяниях рябило в глазах. Под ногами у них крутились цыганята, дополняя многоцветную палитру и умножая суету.

– О, господи! – раздался приглушенный возглас с нижней полки. Там, обложившись множеством свертков, устроилась толстая деревенская тетка, еще не старая, пышущая здоровьем и недоверием к окружающему миру. Ее взгляд был прикован к цыганам, а руки, словно помимо ее воли, суетливо подгребали к себе свертки. Рук явно не хватало, и тетка уже взмокла от усилий под своим немислимо ярко-зеленым кримпленовым платьем, извлеченным, вероятно, из самых глубин домашнего сундука специально для этой поездки. От тетки шел резкий удушливый запах пота и нафталина. Она испуганно бормотала: – Ах, ты, лихоманка... Разворуют все дочиста!

Тем временем цыгане торопливо загружали свой скарб, которым они завалили перрон. Поезд стоял на этой станции всего две-три минуты. Несколько мужчин вбежали в общий вагон, оттолкнув замешкавшуюся в дверях тамбура проводницу, открыли окна и начали принимать поклажу, которую им подавали с перрона остальные. Огромные мягкие тюки, которые едва удавалось протиснуть в узкие оконные проемы, бросали под ноги, в проход, закидывали на пустые верхние полки, не обращая внимания на негодующих пассажиров. Цыгане кричали, суетились, махали руками и, могло показаться, сами не знали, что им делать, хватаясь то за

один тюк, то за другой, а то вдруг, забыв обо всем, начинали яростно ругаться между собой, почему-то на смешанном языке, а, может быть, и на нескольких сразу. Но неожиданно очень быстро весь их говорливый шумный табор переселился в вагон. По опустевшему перрону ветер гнал клочки газет, обрывки веревок и прочий мусор. Дежурный по вокзалу с облегчением махал желтым флажком. Когда поезд тронулся, он снял фуражку и ладонью вытер пот со лба.

Вагон до этой станции был наполовину пуст. Но цыган оказалось больше, чем свободных мест, а поклажи у них хватило бы на два таких вагона. Они забились тюками трети и почти все вторые полки, сами расселись по нижним, бесцеремонно потеснив законных владельцев. Билетов у цыган не было. Напрасно проводница, невысокая и кругленькая, как мяч, на которой надели форменный китель, предварительно отведя душу гневной тирадой по поводу внезапного вторжения, попыталась вытребовать их у неожиданных пассажиров. Цыганята, спрятавшись за цветастые материнские юбки, показывали проводнице языки и кривлялись, пока их матери что-то кричали на своем гортанном наречии и, хватая ее за руки, кивали на своих детей, жестами и гримасами изображая крайнюю усталость. А мужчины, в ярких рубашках и с золотыми перстнями на грязных пальцах, попросту невозмутимо и молча отворачивались. Наконец проводница, отчаявшись, убежала из вагона, пообещав найти на цыган управу, но так и не вернулась. Один за другим ее примеру последовали некоторые обиженные пассажиры. Они уходили, возмущаясь, и тоже не возвращались. Оставшиеся сидели тихо и настороженно.

Михаил, так и не поднявшись со своей второй полки, наблюдал за тем, как купе занимала цыганская семья. Толстая тетка забилась в самый угол, обхватив все свои пакеты, и со страхом зыркала на чумазых цыганят, копошившихся у ее ног. Вскоре к ней начала приставать пожилая цыганка, чей наряд состоял из цветастой юбки, рубашки с неглубоким воротом и большой шали с бахромой и цветочным узором, повязанной вокруг тела. На запястьях у нее было множество золотых браслетов, которые позвякивали при каждом движении ее рук.

– Милая, давай погадаю, – говорила она, подсев к тетке. – Вижу, счастливая ты. На чем хочешь – по руке, на картах, на чайной гуще...

– Не надо мне, – лепетала тетка, пытаясь отодвинуться, но ее не пускала переборка.

Цыганка была настойчива.

– Да не бойся, я по глазам вижу, что ты добрый человек, я тебе бесплатно погадаю. Дай только рубль, Рубина все скажет, что сбудется!

Тетка понемногу поддавалась ее напору. Кряхтя и отдуваясь, она достала откуда-то маленький черный кошелек и, покопавшись в нем, извлекла рубль. Цыганка тотчас же ухватила монетку, зажала в своем кулаке, подула в него, плюнула, потрясла и затем что-то пошептала над ним. Тетка завороченно не сводила с кулака глаз. Она начинала верить.

– Нет, не получается, – с досадой вздохнула цыганка. Черные глаза ее блестели от возбуждения. – Тепло руки мешает. Надо в бумажку завернуть. Дай, касаточка, бумажную денежку, я в него твою монетку спрячу и все, что будет, предскажу.

Михаил так и не понял, что явилось тому причиной: страстное ли желание тетки заглянуть в свое будущее, или гипнотические способности цыганки, но извлеченный из недр кошелька смятый и донельзя засаленный червонец вскоре перекочевал из рук в руки. У тетки руки были пухлые, с нежно-розовыми пальцами-сардельками, у цыганки же очень темные, с тяжело набухшими канатами синих вен. А пальцы цепкие, хищно загнутые, при одном взгляде на которые становилось ясно, что если в них что-то попадало, то уже не могло выскользнуть, даже случайно. Михаилу почудилось, что когда они ухватились за купюру, та, словно ожив, с жалобным писком сама юркнула цыганке в кулак. Он даже потерял себе глаза, пристально вглядываясь, но потом понял, что ему померещилось. Он с интересом ожидал, как повернется дело. Впрочем, он не сомневался, что при любом раскладе для тетки все окончится плохо, и его несколько забавляла готовность, с которой та шла на заклятие. Вероятно, подумал Михаил, так

кролик прыгает в пасть удава – со страхом, но и с предчувствием чего-то необыкновенного, что должно свершиться в его предсказуемой до этого жизни.

Цыганка тщательно упаковала монетку в бумажную десятирублевку, опять проделала ряд таинственных манипуляций и снова осталась недовольной.

– Надо спрятать еще дальше, – сказала она. И ласково попросила: – Не пожалей, касаточка, еще сотенку – тогда наверняка выйдет.

Но черный кошелек был уже пуст. Видимо, все деньги тетка надежно припрятала, оставила немного на дорогу. Это и спасло ее от полного разорения. Цыганка еще больше потемнела от разочарования и, не удержавшись, потянула к себе один из свертков.

– Нет денег – дай пакет!

Алчность погубила ее. Дурман, в который до этого момента была погружена тетка, рассеялся, она опомнилась и крепко вцепилась в свои свертки. И визгливо потребовала:

– Отдай деньги!

– Какие деньги? – удивленно пожала плечами цыганка. – Приснилось тебе, что ли?

Ни червонца, ни рубля у нее в кулаке действительно уже не было. Куда и когда они исчезли, Михаил не заметил, хотя смотрел очень внимательно. Он усмехнулся, невольно восхищаясь ловкостью рук цыганки. Тетка внизу голосила:

– Ограбили! Чтоб вам всем околеть, цыганское племя! Обвела вокруг пальца!

Вокруг нее скакали цыганята, они протягивали ручонки и жалобно повизгивали:

– Ну, дай пакет! Дай-дай! Ай, как кушать хочется...

Тетка подхватила и, забыв о пропавшей бесследно десятирублевке, бросилась прочь. По-крестьянски сметливая, она быстро и верно сообразила, что червонца уже не вернуть, а если промедлить, то потерять можно намного больше. Тетка торопилась так, словно за ней гнались черти. Наверное, не скоро забудет она этот день и выберется куда-нибудь из своей деревни, подумал Михаил и едва не рассмеялся. Он почему-то был уверен, что сам ни за что не попался бы на такой нехитрый трюк с гаданием.

Завладев вагоном, цыгане незамедлительно обжили его, как свою родную кибитку. Кто-то, не обращая внимания на окружающих, разделся до белья и сушил одежду, попутно латая в ней дыры, где-то в конце вагона увлеченно скребли ложкой о днище консервной банки, подбирая остатки, в соседнем купе азартно резались в карты, оттуда доносились крики и громкий смех. Цыган не смущало, что это дом временный и на колесах, и что уже на следующей станции их могут снять с поезда. Кочевая жизнь была у них в крови, перешла по наследству от дедов и прадедов. Различие было лишь в том, что те странствовали в конных повозках, а они пересели на коней железных. Но не изменили при этом ни обычаям, ни вере, ни себе. Пожалуй, если бы они не умели с такой легкостью приспособливаться к непрерывно изменяющейся жизни, их давно бы постигла та же участь, что и многие великие и малые народы, безвозвратно исчезнувшие с лица земли за ее долгую историю. А цыганский род, наперекор всему, существовал тысячелетия, и не удавалось его извести ни мору, ни войнам, ни людской ненависти.

Трое цыганят примостились на верхней полке напротив Михаила. Тесно прижавшись, словно волчата одного выводка в норе, они бросали на него быстрые любопытные взгляды, поблескивая черными бусинками глаз, и перешептывались. Видимо, их привлекала его туго набитая дорожная сумка. Когда Михаил открыл ее, они замолчали и начали громко глотать слюну. Но Михаил достал коробку с шашками, и цыганята разочарованно завозились. Однако сумка оставалась по-прежнему полной, и они еще не теряли надежды. Будь у Михаила что-нибудь съестное, он поделился бы с голодными малышами. Однако в сумке были уложены только книги и вещи, а идти в вагон ресторан ему не хотелось. Читать он не мог из-за шума, который подняли цыгане, поэтому, чтобы как-то скоротать время, он решил сыграть сам с собой партию в шашки. Это занятие обычно хорошо помогало ему ни о чем другом, кроме

игры, не думать. За несколько минувших суток он порядком устал от бесплодных размышлений и порой начинал жалеть, что не взял билет на самолет, пусть даже ради этого ему бы пришлось посуетиться в аэропортах пересадок. Впрочем, он знал, почему так вышло. Он не желал задерживаться в том городе, откуда началось его путешествие, и где жила Альбина, ни на час. Кроме того, если бы он сейчас уже был дома, это все равно не принесло бы ему облегчения, и его изводили бы все те же мысли. Излечить его могло только время. И лучше, если оно пройдет в пути, среди незнакомых, а, значит, не имеющих возможности влезть без спроса в его душу, людей.

Шашки, которыми увлекался Михаил, были не обычные, русские, а стоклеточные, международные. И каждая партия затягивалась надолго, если играть не в поддавки. Но вскоре к Михаилу подошел один из цыган и что-то сказал на своем языке. Михаил жестом показал, что ничего не понял. Тогда цыган кивнул на подростка лет четырнадцати, который сидел на скамье у бокового окна и во все глаза смотрел на Михаила. И уже по-русски повторил:

– Эй, гаджо, сыграй с ним. Увидишь, как он тебя обставит!

Не дожидаясь его согласия, внизу уже освобождали место для игры, очищая от обедков стол. Михаил показал цыганятам, сидевшим на вагонной полке напротив, на свою сумку и погрозил им пальцем. Затем мягко спрыгнул вниз. От долгого лежания затекли мышцы, и он решил воспользоваться случаем, чтобы их размять.

Михаил был невысок и худощав. И в тесном купе чувствовал себя почти так же свободно, как в просторной комнате. Однако низкие потолки и узкое пространство между стенами всегда подавляли его дух, он быстро уставал от них и спешил выйти. Михаил не представлял, как кто-то может годами сидеть в тюремной камере и оставаться в здравом уме. Ему казалось, что без синего неба над головой он не прожил бы и недели. Невольное заточение в поезде он воспринимал как суровое, но справедливое наказание за былую необузданность своих страстей, которое он сам наложил на себя.

Подросток-цыган выглядел не по годам серьезным и сосредоточенным, когда расставлял шашки на доске. Он будто выполнял ответственное задание и боялся ненароком ошибиться. Над игроками мгновенно сгрудились цыгане, набежавшие со всего вагона, они толкали друг друга локтями и вполголоса переругивались, обсуждая каждый ход. Михаила слегка мутило от непривычного и неприятного ему запаха, который заполнял вагон. Накрепко закупоренные окна не пропускали малейшего сквозняка. Цыгане словно опасались простудиться. Михаил сейчас с удовольствием окунулся бы в холодную воду, чтобы смыть с себя липкий пот, который, казалось, закупорил все поры на его теле, вызывая почти физические мучения. Пока он страдал, он мало смотрел на доску и проиграл.

Цыгане, окружавшие их, радостно заверещали. Они смеялись, хлопали подростка по плечу, ласково трепали его густые курчавые волосы, а старший среди них, седой и с большой серебряной серьгой в ухе, настойчиво допытывался у Михаила:

– У тебя какой разряд, а? Ты, наверное, гроссмейстер? А он неграмотный! У нашего Миро больно умная голова.

Сам Миро молча и счастливо улыбался. Старый цыган погладил его по курчавой голове и приказал, довольный:

– Играй еще!

Цыгане настолько откровенно радовались его поражению, словно посрамили своего злейшего врага, что Михаил разозлился. Миро и в самом деле играл хорошо. У Михаила не было разряда по шашкам, но он у многих выигрывал с завидной легкостью. На этот раз ему пришлось проявить осторожность и поломать голову. Он едва не выиграл, но в последний момент «зевнул» дамку, и вторая партия окончилась вничью. Миро уже не улыбался, и вокруг все молчали, будто случилось нечто очень неприятное. Старый цыган нахмурился, но, что-то коротко буркнув на своем наречии, опять велел подростку играть.

Третью партию Михаил играл уже против троих или четверых цыган. Они наперебой давали Миро советы, кричали на него, почти вырывали из рук шашки, если он брался не за ту, на какую ему указывали. Подросток заметно растерялся. Играть с несколькими соперниками, каждый из которых мешал остальным, оказалось проще, чем с одним Миро, и Михаил буквально разгромил противную сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.